

ХАНТЕР С.

ТОМПСОН

ХАНТЕР С.

ТОМПСОН

АНГЕЛЫ АДА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Т56

Серия «Чак Паланик и его бойцовский клуб»

Hunter S. Thompson

HELL'S ANGELS

Перевод с английского А. Керви

Серийное оформление и компьютерный дизайн В. Половцева

Печатается с разрешения The Gonzo Trust
и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

Томпсон, Хантер С.

Т56 Ангелы Ада / Хантер С. Томпсон ; [пер. с англ. А. Керви]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 576 с. — (Чак Паланик и его бойцовский клуб).

ISBN 978-5-17-102565-6

Книга-сенсация. Книга-скандал. В 1966 году она произвела эффект разорвавшейся бомбы, да и в наши дни считается единственным достоверным исследованием быта и нравов странного племени «современных варваров» из байкерских группировок.

Хантеру Томпсону удалось совершить невозможное: этот основатель «гонзо-журналистики» стал своим в самой прославленной «семье» байкеров — «великих и ужасных» Ангелов Ада.

Два года он кочевал вместе с группировкой по просторам Америки, был свидетелем подвигов и преступлений Ангелов Ада, их попок, дружбы и потрясающего взаимного доверия, порождающего абсолютную круговую поруку, и результатом стала эта немыслимая книга, которую один из критиков совершенно верно назвал «жестокой рок-н-рольной сказкой», а сами Ангелы Ада — «единственной правдой, которая когда-либо была о них написана».

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-102565-6 © The Estate of Hunter S. Thompson, 1967
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Странная сага отчаянного джентльмена

— Мы раздавим их как ничтожных тараканов! СЕГОДНЯШНЯЯ СВИНЬЯ — ЗАВТРАШНИЙ БЕКОН!.. Мы убьем тех, кто жрет нас, и сожрем тех, кого убиваем!

Хантер С. Томпсон. «Песни Обреченного»

— Самая большая радость для мужчины — это побеждать врагов, гнать их перед собой, отнимать у них имущество, видеть, как плачут их близкие, ездить на их лошадях, сжимать в своих объятиях их дочерей и жен.

Чингисхан, 1223

В начале тридцатых годов молодой Уильям Берроуз сказал: «Другие люди отличаются от меня, и я не люблю их». Позже он говорил: «Мне плевать, если люди меня не любят. Вопрос только в том, что они могут с этим поделать». О каннибалах, пожирающих человеческий дух, этот «древний человеческий дух», много писали Керуак и Кен Кизи. Уместно ли сказать «человеческий»? «Есть жестокие души, которые верят, что вселенная — зло... страшась жизни, не понимая ее безвредной пустоты», — декла-

мировал в Беркли Аллен Гинзберг свое посвящение Ангелам Ада. Перефразируя «Голый Ланч», каннибалы, судя по их победным реляциям, отловили уже почти всех. Остались немногие. Но каннибалы все равно опасаются, что какой-нибудь одиночка, движимый инстинктом самосохранения, вырвется и опрокинет на бегу котел с их трапезой, а точнее с его же сваренными в собственном соку сородичами. И не важно, что он проиграл. «Ты смотришь на проигравшего, который собирается устроить погром на пути прочь от мира сего», — скажет малоизвестному «журналисту» Томпсону один из Ангелов Ада. «Я наслаждаюсь жизнью в горах на высоте 8000 футов, глубоко в снегах и лесах; и то, что я вношу в жизнь все время — конфронтация. Потому что идет Война, — скажет спустя добрый десяток лет всемирно известный писатель Томпсон очередному малоизвестному журналисту. — Я давно сделал свой выбор. Кое-кто говорит, что я превратился в ящерицу без пульса. А правда?.. да Бог ее знает... Я никогда не думал, что проживу больше двадцати семи. Каждый свой день я поражаюсь этому, как и любой, кто понимает, что я все еще жив».

— Так всегда с джентльменами удачи. Жизнь у них тяжелая, они рискуют попасть на виселицу, но едят и пьют, как боевые петухи перед боем. Они уходят в плавание с сотнями медных грошей, а возвращаются с сотнями фунтов. Добыча пропитана, деньги растрочены — и снова в море в одних рубашках...

— *Джон Сильвер продолжал говорить бочке из-под яблок, не подозревая, что его подслушивают.*

«Не знаю, насколько Томпсон был изначально заинтересован в Ангелах Ада, — заметил как-то один американский критик. — Но его подход в корне отличался от всего, что предлагала тогдашняя журналистика. Вместо того, чтобы погрязнуть в изложении популярных фактов из истории Ангелов Ада, он предложил новый скорректированный издевательский репортаж-препарацию домыслов истеблишмент-медиа, он писал о том, что они означали лично для него и как они затронули его жизнь. Презрев так называемую журналистскую объективность, он написал эту книгу через призму своего «я» и умудрился остаться по-своему объективным». Чтобы понять, как и почему Томпсону удалось написать, по признанию самих Ангелов, «единственную правдивую вещь, когда-либо написанную о них», надо начинать рассказ не с того момента, как в 1964-м Бирни Джарвис (в книге выведен под именем Притэма Бобо), бывший Ангел Ада, а тогда репортер *Chronicle*, привел безработного журналиста в мастерскую Ангелов в южном Сан-Франциско и представил его им. Общественная истерия (или истерия общественной морали (Moral rinks) вокруг outlaws-мотоциклистов была в самом разгаре, и тема уже всю эксплуатировалась прессой, настолько преуспевшей в создании сверхдемонического рекламного имиджа Ангелов Ада и других стоящих «вне закона» клубов, что во время объявленных байкерами Пробегов «города по всей стране с нетерпением ждали вторжения, надеясь, что их изнасилуют и разорят». Идея книги о «низшей форме животных», об «армии

грязных волосатых насильников на мотоциклах» давно витала в потной атмосфере офисов различных издательств — фактически это был социальный заказ, и его надо было выполнять. Америка, по словам Томпсона, «плодила массовое беззаконие и отчуждение с конца Второй мировой войны». И это была «не политическая вещь, а ощущение новых реалий, крайней необходимости, гнева и иногда отчаяния в обществе, где даже верховные власти, судя по всему, хватаются за соломинку». Параллельно во многом искусственной «моральной революции», о которой так любили рассуждать американские интеллектуалы, в реальность стремительно ворвался «легион молодых трудоспособных людей», чья неиспользованная энергия неизбежно должна была найти деструктивную отдушину. Требовался «иной род безумия и насилия», новый подход. «Многие были призваны, но немногие избраны».

Как ни парадоксально, Хантер Томпсон всю свою жизнь ненавидел, и до сих пор ненавидит, журналистику. Имидж известного журналиста чудовищно тяготил его еще в шестидесятые. То, что для него началось как своего рода эксперимент, потому что он «больше ничем другим не мог заняться, кроме как писать», вскоре превратилось на какое-то время в главное препятствие на пути к «настоящему писателю». Создавая своим образом жизни inferнальный хаос, из которого как из рога изобилия извергались его самые важные формулы, используя саморазрушение как топливо, «необходимое зло», для «достижения

8 успеха в обществе с удручающей нехват-

кой outlaw», он, по сути дела, писал главы всего одной книги, растянутой на десятилетия — от «Последней Драки в Городе Толстых» пятидесятых до «Добро пожаловать в тюрьму» девяностых (см. «Песни Обреченного»). Прекрасный ответ на вопросы «как» и «почему» «отчаянный южный джентльмен» пришел к теме Ангелов Ада, и уже отталкиваясь от нее вскоре достиг культового статуса «рок-звезды», и единственного в своем роде «Безумца Вне Закона», на которого никто так и не смог найти управу, можно найти в объемистом томе его писем — «Гордая Автострада» (с 1955-го по 1967-й). Здесь есть все, что нужно, чтобы поймать дух и времени и человека, и всех тех, кого он так или иначе встретил «на пиру насилия и страсти и непрерывной революции».

Извращенное остроумие, бесконечное мошенничество, чрезмерные излишества, огромная самоуверенность, выворачивание наизнанку своего израненного недооцененного эго и идиопатический гнев «праведного» outlaw, по признанию друга Томпсона, писателя Уильяма Дж. Кеннеди, автора романа «Ironweed» (удостоенного в восьмидесятые Пулитцеровской премии) — все это уже окончательно сформировалось в не по годам развитом воображении Хантера в Пуэрто-Рико, в Сан-Хуане, где он, задыхаясь от отвращения, зарабатывал себе на хлеб журналистикой. И этот джентльменский набор он использовал в те дни, чтобы пробить себе дорогу в литературу, «маршируя под ритм своего барабана». Дуглас Бринкли, редактор «Гордой Автострады», замечает, что Хантер культивировал тогда

в себе образ Американского Адама, фигуры, которую критик Р. Льюис определял, как «индивида-одиночку, полагающегося только на свои силы и самодостаточного, готового к конфронтации со всем, что его ожидает, и использующего при этом свои собственные уникальные врожденные способности». Писатели, во многом повлиявшие на двадцатилетнего Томпсона, никогда не принадлежали к какому-нибудь литературному движению или элитному клубу, не были достоянием «книгомесячных салонных дам», и по идиоматическому выражению «гнали своих лошадей» — Эрнест Хемингуэй («...правда я не хотел быть на него похожим или чтобы меня с ним сравнивали. Он-то, как раз, гнал быков». — Х.С.Т), Джек Лондон, Генри Миллер. «Хороший писатель стоит над всеми движениями, — писал Томпсон. — Он и не лидер, и не последователь, а только блестящий белый мяч для игры в гольф, летящий в лузу преодолевая сопротивление ветра». И не случайно, что в 1960-м Томпсон переехал на какое-то время в Биг-Сур — он хотел быть рядом с Миллером, чью иконоборческую откровенность и решительность, «гнев праведного outlaw», ставил выше всех остальных. Слово «outlaw» — буквально «стоящий вне закона» или «отверженный» — одно из важнейших в мифологии Томпсона, как и выражение «страх и отвращение», его реакция на существование в обществе и культуре потребления, «сточной канаве, дамбе с таким количеством протечек, что ни у какого закона не хватит пальцев их заткнуть».

10 «Outlaw» выражает отнюдь не социальную позицию — это состояние души, отношение

к миру, которое не выразить никаким переводом (поэтому во многих случаях оно оставлено в переводе «Ангелов Ада» так, как оно есть). В наш лексикон давно уже вошли слова «фрик», «джанки», «трип», а раз вошли они, то непременно войдет и «outlaw». Так можно сказать о каждом, «у кого есть и кто с этим, и если ты сам не врубаешься, то никто тебя не врубит», — как заметил в «Джанки» «literary outlaw» Уильям Берроуз. «Лучше править в аду, чем служить в раю», — говорит лидер outlaw-байкеров в фильме «Ангелы Ада на Колесах» (в котором, кстати, промелькнул и Томпсон).

Применительно к «Ангелам Ада» и другим мотоциклетным клубам иногда можно говорить «отверженные» — в контексте того, что они были отвергнуты Американской Мотоциклетной Ассоциацией. Но и здесь надо понимать, что outlawбайкер — это стиль жизни, а не стиль езды на мотоцикле. Массовая культура сделала из них миф, настолько притягательный в своей «наоборотности» и «отвратности», что мотоциклетные субкультуры оказались самыми живучими — существуя по сей день, они так и не пережили своего упадка. *Байкеры или рокеры являются аутсайдерами презираемого ими изнеженного общества, у них считается позором быть такими как все. Они создали свое собственное общество со своими правилами и понятиями о морали.* Не все мотоклубы относятся к «1%», а только те, что совершенно осознанно становятся против гражданских норм, государственных правовых понятий, бюрократической опеки. В средние века такие люди, как байкеры, тоже были бы «людьми вне за-

кона», вольными стрелками и бунтарями, и такими они видят себя до сих пор. Из-за этого они автоматически становятся не только аутсайдерами, но и врагами государства и даже преступниками. Байкеры всегда функционировали по ту сторону социальных ценностей. *«Рожденные Прогривать»* сорвиголовы использовали любую возможность выделиться среди остальных на грани дозволенного законом и тем самым практически полностью отошли от жизни в социуме. *«Стилистически и идеологически они были аутсайдерами безо всякого желания стать инсайдерами».*

— Прочь! Все прочь с вашими копытами, шкурами и крашеным железом! Только тот, кто своей рукой убил Вепря, может показать его клыки!

— *Лорд Кроуфорд, бросающий окровавленную голову перед блестящим собранием венценосных козлов.*

«Когда мы впервые стали говорить с ним о прозе в конце пятидесятых, его, так сказать, черновой работой был роман «Принц Медуза», — вспоминает о своей переписке с Томпсоном Уильям Кеннеди, — а вскоре он начал «Дневник под Ромом» («The Rum Diary»), надолго с тех пор приковавший его внимание». Ни один роман так и не был тогда опубликован, и их отрывки спустя тридцать лет появятся в «Песнях Обреченного» (а еще спустя десять «The Rum Diary» вышел отдельной книгой). Реакция литературных редакторов и агентов на раннее творчество Томпсона была в духе «Если бы это было написано

12 Уинстоном Черчиллем, это было бы забав-

но». «Принц Медуза» снова положен в стол, в третий и последний раз, — писал Хантер Кеннеди из Нью-Йорка в 1960-м. — На самом деле книжка получилась так себе... Я просто набрасывал кое-что, чтобы прочувствовать и начать тот «Великий Пуэрториканский Роман», о котором уже говорил... Я так часто шел на компромисс с самим собой, что не могу больше честно смотреть на себя, как на мученика... Я думаю, что, возможно, мне лучше стать оппортунистом с огромным болезненно воспаленным талантом». «Его разговоры о мученичестве и компромиссе были для меня романтическими идеями, мало пригодными, если писатель убеждает себя в своей серьезности, — комментирует Кеннеди. — Мы перебирали примеры о том, как долгое время пренебрегали Фолкнером, о хронических неудачах Натанаэля Уэста, о печальном увядании Фицджеральда, когда его совершенно не печатали. Но все, что Хантер делал в смысле компромисса, так это слишком много пил и писал второсортную журналистику, чтобы оставаться в списке живых».

Приведем выдержки из писем Томпсона Кеннеди разных лет:

1960. «Если бы я не был так уверен в своем предназначении, то мог бы даже сказать, что на меня нахлынула депрессия. Но что-то она так как-то и не нахлынет, а кроме того всегда есть завтрашняя почта»... «Моя проза все еще отказывается продаваться... Начал Великий Пуэрториканский Роман и ожидаю, что в этом-то и будет вся собака зарыта».

1961. Роман продвигался плохо, и агент отказался его принять. «И вот мы снова разбиты, лодки, плывущие против течения», — писал он Кеннеди, цитируя Гэтсби, «орифламму его продолжающегося мученичества с Американской Мечтой».

1963. Кеннеди негативно отреагировал на «Дневник под Ромом» и посоветовал Томпсону бросить его. «Я решил переписать роман», — ответил он.

1964. Зарабатывание денег журналистикой не приносит ему никакого удовольствия. «Если повезет, я снова вернусь к писательству».

1965. Томпсон остается практически без средств к существованию и не может устроиться даже грузчиком. «...бьюсь над романом... проза не угнетает меня так, как журналистика. Это труднее и гораздо более пристойная для человека работа».

1965. Его статья «Мотоциклетные банды: Проигравшие и Аутсайдеры», напечатанная 17 мая 1965-го в *The Nation*, немедленно спровоцировала шесть предложений от издателей написать книгу об Ангелах Ада. «Я в истерике, предвкушая деньги... Самой лакомой фишкой момента, похоже, будет «Дневник под Ромом». Если бы роман был готов прямо сейчас, я бы смог выбить завтра 1500 долларов аванса. Но, как ни печально, он недостаточно хорош, чтобы его кому-то посылать».

1965. «Я должен бросить журналистику... и посвятить себя писательству, если я вообще способен. И если чего-то стою, то мне искренне
14 кажется, что это будет в области прозы —

единственный путь, которому я могу следовать со своим воображением, точкой зрения, инстинктами и всеми другими неуловимыми фишками, так нервными людей в моей журналистике».

А было ли то, что он писал, вообще журналистикой? Томпсон вскоре это, наконец, понял. Красной нитью в его письмах тех лет проходит презрение к прессе, представлявшей мейнстрим; он рассматривал их как лъстивых шакалов, глашатаев-лизолюбодов «Ротари Клуба», американского правительства и истеблишмента Восточного побережья. Так называемым профессиональным объективным журналистам *The New York Times* он противопоставлял субъективную журналистику Х. Л. Менкена, Амброза Бирса, Джона Рида и Ай. Ф-Стоуна. Когда его вышвырнули за хулиганство из нью-йоркской *Daily Record*, он мрачно констатирует в письме: «С этого момента буду жить так, как мне кажется, я должен». И там же добавляет два главных правила для честолюбивых писателей: «Первое — никогда не смущаться использовать силу, и второе — максимально злоупотребить своим кредитом. Если ты помнишь это и если сможешь не потерять голову, то тогда есть шанс, что ты пробьешься».

О так называемой новой журналистике написано уже так много, что никто толком не может вспомнить, когда же она точно появилась. На рубеже 1965—1966 годов, когда Томпсон написал «Ангелов Ада», сложился целый круг признанных авторов, завоевавших вскоре себе огромную продвинутую аудиторию. Но в то время как Гэй Тейлизи, Джимми Бреслин, Труман Капо-